

Владимир Мегре

Новая
цивилизация

1 ЧАСТЬ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Звонящие кедры России

Владимир Мегре

**Новая цивилизация. 1
часть. Второе издание**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 141.339
ББК 86.42

Мегре В. Н.

Новая цивилизация. 1 часть. Второе издание / В. Н. Мегре —
«Издательство АСТ», 2019 — (Звенящие кедры России)

Наша планета Земля – частичка Вселенной. Россия, наша Родина, – часть планеты Земля. Гектар земли, возделываемый с любовью для строительства на нем родового поместья, – частичка России, наша малая родина. Преобразуя свою малую родину, мы вызволим Россию из того состояния, в котором она сейчас находится, а с ней и планету всю. И возникнет на Земле новая цивилизация, где не будет войн, катастроф, расовых и религиозных разногласий, болезней, а будет мир, согласие, здоровье и счастье. А преобразив нашу планету, мы поможем и Вселенной, ибо, когда меняется даже ее маленькая частичка, своими изменениями она влияет на всю Вселенную. «Кто выбирает жизнь и жизнь творит живую – будет вечным и уподобится Творцу Великому Вселенной», – сказала Анастасия. Значит, мы, люди, жить будем вечно, жизнь во Вселенной сотворяя. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 141.339
ББК 86.42

© Мегре В. Н., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предрассветные чувства	6
Победа над радиацией	9
«Гуси-гуси!» – «Га-га-га», или Суперзнания, которые мы теряем	15
Большая проблема	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Мегре

Новая цивилизация.

Часть 1. Второе издание

© Мегре В., 2005, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

По утверждению Анастасии, в тексте заложены сочетания букв и комбинации слов, благотворно влияющие на человека.

Почувствовать это влияние можно при чтении, когда на слух не воздействуют звуки, издаваемые искусственными предметами и механизмами.

Естественные звуки – пение птиц, шум дождя, шелест листьев на деревьях – помогают положительному воздействию.

К моменту выхода первого издания восьмой книги это высказывание Анастасии подтвердили в своих письмах более пяти тысяч читателей.

Предрассветные чувства

Анастасия ещё спала. А над бескрайней сибирской тайгой предрассветное небо светлело. Я в этот раз проснулся первым, но продолжал тихо лежать рядом на своём спальном мешке, любуясь её умиротворённым красивым лицом и плавными очертаниями фигуры. Они становились все более различимы в мягком небесном свете наступающего утра. Хорошо, что в этот раз она устроила ночлег под открытым небом, наверное, знала: выдастся тёплой и тихой предстоящая ночь, потому и постелила постель не внутри своей уютной землянки, а у входа в неё. Мне постелила привезённый ещё в прошлое пребывание в тайге спальный мешок, а рядом устроила себе красивое ложе из сухой травы и цветов.

Здорово она выглядела на этой таёжной постели, одетая в тонкое льняное платье до колен, что я привёз ей в подарок от читателей. Может, только при мне она его и надевала, а так могла спать и обнажённой. Чем холоднее в лесу, тем больше можно травы сухой подстелить – ведь в копне из сена и зимой не холодно. Даже простой человек, не закалённый до такой степени, как Анастасия, может спать в сене без тёплой одежды. Я пробовал. Но в этот раз я лежал на спальном мешке. Лежал, смотрел на спящую Анастасию и представлял, как могла бы эта картина выглядеть в художественном фильме.

...Таёжная поляна в глубине бескрайней сибирской тайги. Предрассветная тишина лишь изредка нарушается еле слышным шелестом веток на верхушках величественных кедров. И красивая женщина безмятежно спит на постели из трав и цветов. Её дыхание очень ровное и едва слышное, видно только, как слегка отклоняется тонкая травинка, прильнувшая к верхней губе, когда она вдыхает и выдыхает целебный воздух сибирской тайги...

Никогда раньше мне не удавалось увидеть Анастасию спящей в тайге, всегда она просыпалась первой. А тут...

Мне нравилось смотреть на неё. Осторожно приподнявшись и опершись на руку, рассматривая её лицо, я задумался и стал говорить про себя:

«Ты всё так же прекрасна, Анастасия. Скоро будет десять лет, как мы познакомились с тобой. Я, конечно, постарел за это время, а ты почти не изменилась. И морщинки не тронули твоё лицо. Вот только появилась в твоих золотых волосах одна седая прядка. Что-то, видно, происходило с тобой необычное. Судя по масштабной кампании, развёрнутой против тебя и твоих идей, по высказываниям в прессе и чиновничьих структурах, что-то происходит в стане тёмненьких. Досадить-то они пытаются мне, а уж тебя с каким бы удовольствием достали. Да видно, руки короткие...»

Только вот седая прядка всё же у тебя появилась. Но не портит она твоей красоты необычной. Знаешь, сейчас модно разными цветами отдельные пряди волос оттенять. Считается у нашей молодёжи, что отдельно высветленные прядки – это модно и красиво. А тебе и в парикмахерскую ходить не надо: она сама появилась. И шрамик от пули, в тебя выпущенной, затянулся почти.

Небо предрассветное ещё светлее стало, а шрамика на виске даже с близкого расстояния почти не заметно, скоро совсем его не будет.

Вот ты спишь безмятежно здесь, на свежем воздухе, в своём таёжном мире, а там, в нашем мире, очень важные события происходят. Их исследователи называют „информационной революцией“. Может быть, благодаря тебе, может, по велению своих душ люди нашего технократического мира начинают создавать свои родовые поместья, облагораживать землю. Приняли они всей душой образ твой, Анастасия, прекрасный образ будущего своей семьи, страны, а может, и всего мироустройства. Они поняли тебя и сами строят это прекрасное будущее.

И я стараюсь понять. Стараюсь, как могу. Пока не понял до конца, что значишь ты для меня. Книги научила писать, сына родила, знаменитым меня сделала, вернула уважение дочери

– многое сделала. Но не это главное. В чём-то другом оно, главное. Может быть, внутри где-то таится.

Ты знаешь, Анастасия, никогда я не говорил о своём отношении к тебе, ни тебе не говорил, ни себе. Да и вообще, за всю жизнь ни одной женщине в жизни не сказал: я тебя люблю.

Не говорил не потому, что совсем бесчувственный, а потому, что странными считаю эти слова и бессмысленными. Ведь если любит один человек другого, то должна выражаться эта любовь в действиях по отношению к любимой. Если приходится слова говорить, значит, и нет настоящих, ощутимых действий. А ведь действия главнее, не слова».

...Анастасия слегка пошевелилась, глубоко вздохнула, но не проснулась. И я продолжал про себя говорить с ней:

«Я ни разу не сказал тебе о любви, Анастасия. Но если бы ты попросила достать с неба звезду, то залез бы на верхушку самого большого дерева и, оттолкнувшись от последней ветки, прыгнул бы к этой звезде. Если бы полетел вниз, то, падая, ухватился бы за ветки – и снова к вершине полез, и снова прыгнул к звезде.

Ты не просила меня звёзд с неба доставать, Анастасия. Ты просила только, чтобы я книжки написал. Я пишу их. Не всегда хорошо получается. Иногда падаю вниз. Но я ведь их ещё не закончил. Ещё не написал последней своей книги. Буду стараться, чтобы она тебе понравилась».

...У Анастасии дрогнули ресницы, на щеках появился лёгкий румянец, и она открыла глаза. Ласковый взгляд серо-голубых глаз... Боже, какое тепло всегда излучают эти глаза, особенно когда так близко они. Анастасия молча смотрела на меня, и глаза её блестели, словно наполненные влагой.

– С добрым утром, Анастасия! Ты, наверное, впервые так долго спала, раньше всегда первой просыпалась, – сказал я.

– И тебе доброго утра и прекрасного дня, Владимир, – тихо, почти шёпотом ответила Анастасия. – А мне ещё поспать хоть чуточку хочется.

– Так ты ещё и не выпалась?

– Выпалась, и очень хорошо. Но сон... Так приятен был сон предрассветный...

– Какой сон? О чём он?

– Приснилось, как ты говорил со мной. О дереве высоком и звезде, о вниз падении и снова вверх стремление. Слова о дереве и о звезде, но будто о любви слова те были.

– В снах часто непонятности бывают. Какая связь быть может дерева с любовью?

– Связь может быть во всём и смысл великий. Здесь чувства главное, а не слова. С рассветом день мне чувство преподнёс необычайное. Пойду с ним поздороваюсь и обниму его.

– Кого его?

– Прекрасный день, подарок необычный преподнёсший.

Анастасия медленно встала, отошла от входа в землянку на несколько шагов и... Она всегда так делала по утрам, свою своеобразную зарядку. Вот и сейчас – раскинула руки в стороны и чуть вверх. Секунду-другую смотрела в небо и вдруг закружилась. Потом разбежалась и сделала своё невероятное сальто. Снова закружилась. А я, лёжа на своём спальном мешке у входа в землянку, любовался стремительными движениями Анастасии и думал: «Надо же! Ведь не девочка уже, а как быстро, красиво и энергично двигается, словно юная гимнастка. Интересно, а как это она почувствовала, о чём я говорил про себя, когда спала? А может, зря не признался?»

И крикнул:

– Анастасия, а тебе не просто снился сон.

Она сразу остановилась посреди поляны, потом, стремительно перевернувшись в кульбите раз, другой, оказавшись рядом, быстро присела на траву, заговорила радостно:

– Не просто сон? А чем не прост он? Говори немедленно. Подробно очень говори.

- Ну понимаешь, я как бы тоже думал о том дереве. Про себя говорил о звезде.
  - А где, скажи мне, где слова такие взял? И что рождает их – слова такие?
  - Рождают чувства, может быть?
- Наш разговор прервал крик бабушки Анастасии:
- Анастасия! Анастасия, немедленно услышь меня, пойми!
- Анастасия вскочила, и я быстро встал.

Победа над радиацией

– Опять Володя что-то необычное устроил? – спросила у подбежавшего к нам дедушки Анастасия.

И дедушка, мельком лишь на меня взглянув, бросив коротко: «Привет, Владимир», пояснил:

– Он на берегу у озера. Он нырнул и камешек достал со дна. Теперь стоит, зажав его в своей руке. Предположить могу: ему сжигает камень ручку, но он его не отпускает. И я не знаю, какой дать совет. Потом дедушка повернулся ко мне и строго сказал: – Твой сын там, ты – отец... чего ж стоишь?

Не совсем понимая, что происходит, я побежал к озеру. Рядом бежал дедушка и пояснял:

– Этот камешек радиоактивен. Он небольшой, но энергии в нём много. Эта энергия похожа на радиацию.

– Откуда же он взялся на дне озера?

– Давно он там. Ещё отец мой знал об этом камешке. Но донырнуть туда никто не мог.

– А как Володя донырнул? Откуда он узнал?

– Нырять на глубину я его натренировал.

– Зачем?

– Так он мне досаждал, всё время просил об этом. Вам же воспитанием ребёнка заниматься недосуг, всё на стариков сваливаете.

– А кто ему о камне рассказал?

– Так кто ж ему, кроме меня, расскажет? Я рассказал.

– Зачем?

– Он захотел узнать – что не даёт замёрзнуть озеру зимой.

Когда мы подбежали к озеру, я увидел своего сына, стоящего на берегу. Его волосы и рубашка были мокрыми, но вода с них уже стекла, значит, он стоял так уже давно, решил я.

Мой сын, Володя, стоял с вытянутой вперёд рукой, сжав пальцы в кулак, и, не отрываясь, сосредоточенно смотрел на него. Было ясно: в руке у него зажат тот самый злополучный камешек со дна озера. Я сделал всего два шага в сторону сына. Он быстро повернул голову ко мне и сказал:

– Не подходи ко мне, папа.

И когда я остановился, добавил:

– Здравия мыслям твоим, папа. Но только отойди подальше, может, будет лучше, если вы с дедушкой на землю ляжете, – я смогу тогда спокойно сосредоточиться.

Дедушка тут же лёг на землю, и, сам не зная почему, я тоже лёг с ним рядом. Некоторое время мы молча смотрели на стоящего на берегу Володю, потом ко мне пришла совсем простая мысль, и я сказал:

– Володя, да ты просто швырни его подальше.

– Куда подальше? – не поворачиваясь, спросил сын.

– В траву.

– Нельзя в траву, там может многое погибнуть. Я чувствую, его нельзя пока бросать.

– Так что же ты будешь так стоять, и день, и два? Что дальше? Будешь стоять неделю, месяц?

– Я думаю, как поступить, папа. Давайте помолчим, пусть мысль найдёт решение, не надо отвлекать её.

Мы с дедушкой молча лежали и смотрели на Володю. И вдруг я увидел, что с противоположной стороны берега медленно, очень медленно для сложившейся ситуации идёт Анастасия. Не дойдя до Володи метров пять, она как ни в чём не бывало села на берег озера, опустила в

воду ноги и некоторое время так сидела. Потом повернулась к сыну и совершенно спокойно спросила:

– Тебе жжёт ручку, сынок?

– Да, мама, – ответил Володя.

– О чём ты думал, когда доставал камень, и о чём думаешь сейчас?

– От камня исходит энергия, похожая на радиацию. О ней рассказывал мне дедушка. Но от человека тоже исходит энергия. Я это знаю. И человеческая энергия всегда сильнее, никакая другая победить человеческую не может. Я достал камешек и держу его. Всеми силами стараюсь подавить его энергию. Вогнать её обратно, внутрь. Я хочу показать, что человек сильнее любой радиации.

– И тебе удаётся показать превосходство исходящей от тебя энергии?

– Да, мама, удаётся. Но он нагревается всё сильнее. Он немножечко обжигает мои пальцы и ладонь.

– Почему ты его не бросишь?

– Я чувствую, этого делать нельзя.

– Почему?

– Я чувствую.

– Почему?

– Он... Он взорвётся, мама. Взорвётся, как только я разожму пальцы своей руки. Взрыв будет сильный.

– Правильно, он взорвётся. От камня исходит заключённая в нём энергия. Своей энергией ты подавил её поток и направил внутрь, мысленно образовал ядро внутри камешка, и там скапливается сейчас и твоя, и его энергия. Она не может скапливаться бесконечно. Она уже внутри ядра, тобою в мыслях сотворённого, бушует и нагревается, и обжигает камень твою ручку.

– Я это понял, поэтому не разжимаю пальцы.

Внешне Анастасия была совершенно спокойна, движения ее были медленными и плавными, и говорила она размеренно и с паузами, но я чувствовал, что она необыкновенно сосредоточенна и мысль её, наверное, работает как никогда быстро. Она встала, как-то вяло потянулась и спокойно сказала:

– Значит, ты понял, Володя, если сразу открыть камешек, может быть взрыв?

– Да, мама.

– Так значит, её нужно выпускать постепенно.

– Как?

– Потихоньку, сначала, слегка разжав большой и указательный пальчики, ты оголишь часть камня, и тут же мысленно представь, как из него лучом ввысь исходит энергия, тобой запущенная в камень. И за твоей его энергия начнёт стремиться. Будь осторожен: только вверх луч должен уходить.

Володя, сосредоточенно глядя на крепко сжатый кулак, потихоньку ослабил большой и указательный пальцы. Утро было солнечное, но даже при свете дня был виден луч, исходящий от камня. Птица, летящая в вышине, попала в этот луч и превратилась в клуб дыма. Словно взорвалось паром маленькое облачко, по которому скользнул луч. И через несколько минут луч стал почти незаметен.

– Ой и засиделась я тут с вами, – сказала Анастасия. – Пойду, может, завтрак приготовлю, пока вы тут развлекаетесь.

Уходила она тоже очень медленно. Сделав пару шагов, она слегка пошатнулась, подошла к воде и омыла лицо. Вероятно, за внешним спокойствием она скрывала невероятное напряжение. Скрывала, чтобы не испугать сына и не помешать его действиям.

– Откуда ты знала, как необходимо было поступить, мама? – крикнул вслед удаляющейся Анастасии Володя.

– Откуда? – передразнил Володю уже поднявшийся с земли и повеселевший дедушка. – Как откуда? По физике твоя мама в школе отличницей была. – И захохотал.

Анастасия повернулась в нашу сторону, тоже засмеялась и ответила:

– Я не знала об этом раньше, сынок. Но что бы ни случилось, всегда нужно искать и находить решение. Не сковывать страхом свою мысль.

Когда луч стал уже совсем невидимым, Володя разжал пальцы. На его ладони спокойно лежал небольшой продолговатый камешек. Он некоторое время смотрел на него, бормоча почти про себя: «Заложенное в тебе не сильнее человека». Потом снова сжал пальцы в кулак, разбежался и прямо в рубашке нырнул в озеро. Он не появлялся минуты три, а когда вынырнул, сразу поплыл к берегу.

– Это я его научил так воздух экономить, – сказал дедушка.

Когда Володя вышел на берег, попрыгал, стряхивая воду, и подошёл к нам, я не вытерпел и высказался:

– Да ты знаешь, что такое радиация, сынок? Не знаешь. Знал – не полез бы и не нырлял за этим камнем. Неужели занятия не находится тебе здесь другого?

– Я знаю о радиации, папа. Дедушка мне рассказывал о том, какие катастрофы случаются у вас на атомных электростанциях, какое есть оружие и какая проблема теперь возникла с хранением ядерных отходов, – ответил Володя.

– Ну и при чём здесь этот камень, лежавший на дне озера? При чём?

– Вот именно, при чём? – вступил в разговор дедушка. – Ты тут повоспитывай его, Владимир. А я хоть отдохну немного. А то в последнее время уж очень много требований твой сын предъявляет ко мне.

Дедушка стал удаляться, и мы остались с сыном наедине.

Мой сын стоял передо мной в своей мокрой рубашке. Он явно был расстроен тем, что заставил всех поволноваться. Мне больше не хотелось на него строжиться. Я просто стоял и молчал, не зная о чём говорить. Володя заговорил первым:

– Понимаешь, папа, дедушка мне сказал, что эти хранилища ядерных отходов таят в себе очень большую опасность. По теории вероятности они могут нанести непоправимый вред многим странам и людям, в них живущим. И даже всей нашей планете.

– Могут, конечно, но ты здесь при чём?

– Так если люди посчитали, будто бы решена проблема, но опасность всё равно остаётся, то, значит, неправильно она решена.

– Ну и что, что неправильно?

– Дедушка сказал, что правильное решение должен найти я.

– Ну и как? Ты нашёл?

– Теперь да, папа.

Он стоял передо мной, мой девятилетний сын, мокрый, с пораненной рукой, но уверенный в себе. И говорил он спокойным и уверенным тоном о решении проблемы хранения ядерных отходов. Это было весьма странно. Ведь он не учёный, не физик-ядерщик и даже не учится в обычной школе. Очень странно. Стоит на берегу таёжного озера мокрый ребёнок и рассуждает о безопасном хранении ядерных отходов. Не надеясь на хоть сколько-нибудь эффективное решение с его стороны по этой проблеме, а лишь для того, чтобы поддержать разговор, я спросил:

– Ну и как конкретно ты разобрался с этой неразрешимой проблемой?

– Из множества вариантов, я думаю, самым эффективным является их рассредоточение.

– Не понял, чего рассредоточение?

– Отходов, папа.

– Это как?

– Я понял, папа: в малых дозах радиация совсем не опасна. В небольших количествах она содержится повсюду: в нас, в растениях, в воде, в облаках. Но если её сконцентрировать в одном месте, возникает реальная опасность. В ядерных хранилищах, о которых рассказывал дедушка, искусственно сконцентрированы радиоактивные предметы в одном месте.

– Ну это все знают. Радиоактивные отходы свозят в специально построенные хранилища, которые тщательно охраняются от террористов. Специально обученный персонал следит за тем, чтобы не нарушалась технология хранения.

– Всё так, папа. Но опасность всё равно существует. И катастрофа неминуема, её причина – чья-то специальная мысль, навязываемое людям неправильное решение.

– Этой проблемой, сынок, занимаются научные учреждения, в которых работают люди с высокими учёными степенями. Ты не учёный, науку не знаешь, а потому не можешь решать такую важную проблему. Её решением должна заниматься современная наука.

– Но результат, папа? Ведь именно в результате решений современной науки и подвергается человечество большой опасности. Я, конечно, не учусь в школе, не знаю науки, о которой ты говоришь, но...

Он замолчал и опустил голову.

– Что означает твоё «но»? Почему ты замолчал, Володя?

– Я не хочу, папа, учиться в той школе и изучать науку, ту, которую ты имеешь в виду.

– Почему не хочешь?

– Потому, папа, что наука эта ведёт к катастрофам.

– Но другой ведь науки нет.

– Есть. «Действительность только собой определять необходимо», – говорит мама Анастасия. Я понял, что это такое, и изучаю или определяю. Пока не знаю, как сказать точнее.

«Надо же, как он твёрд в своих убеждениях», – подумал я и спросил:

– А какова вероятность катастрофы, по-твоему?

– Стопроцентная.

– Ты в этом убеждён?

– По теории вероятности и факту непротиводействия пагубной мысли, катастрофа неминуема. Строительство больших ядерных хранилищ можно сравнить со строительством больших бомб.

– А твоя мысль, значит, вступила в противодействие пагубному?

– Да, я запустил в пространство свою мысль. И она победит.

– А конкретно, как твоя мысль решила вопрос о безопасном хранении ядерных отходов?

– Все ядерные отходы, сконцентрированные в больших хранилищах, необходимо расконцентрировать – вот моя мысль.

– Расконцентрировать – это означает разделить на сотни тысяч или даже миллионы маленьких кусочков?

– Да, папа.

– Простое решение. Но остаётся главный вопрос – где хранить эти маленькие кусочки?

– В поместьях родовых, папа.

От неожиданности, невероятности услышанного я некоторое время не знал, что и сказать. Потом почти выкрикнул:

– Бред! Полный бред придумал ты, Володя.

Потом я немного подумал и сказал уже более спокойно:

– Конечно, если ядерные кусочки рассредоточить по разным местам, глобальной катастрофы можно избежать. Но будут подвержены опасности миллионы семей, решивших жить в поместьях. А ведь все люди хотят жить в экологически чистой местности.

– Да, папа, все люди хотят жить в экологически чистых местах. Но таких мест уже почти не осталось на Земле.

– И здесь, в тайге, тоже не экологически чистое место?

– Здесь место относительно чистое. Но не идеальное, не первозданное. Идеальных нигде не осталось. Облака из разных мест, бывает, и сюда приносят кислотные дожди. Травинки, деревья, кусты пока справляются с ними, но ведь грязные места с днём каждым лишь грязнее получаются. И с каждым днём таких мест всё больше. Вот потому не отступать от грязного, а наступать сейчас необходимо.

«Творить самим необходимо чистые места», – так мама говорит.

Из множества возможных вариантов мысль моя выбрала один, нет у неё другого варианта. Рассредоточить, приручить, для жизни пользу извлекая, хранить в поместье маленький кусочек – безопаснее, так мысль говорит.

– А где в поместье? В кладовке? В сейфе? В погребе эту капсулу с радиоактивным содержанием хранить? Тебе мысль твоя ещё не подсказала?

– В земле, закопанной не менее чем на девять метров, хранить необходимо капсулу.

Я задумался над невероятным на первый взгляд предложением сына и всё больше стал склоняться к мысли: рациональное зерно в нём всё же есть. По крайней мере, предложенный им вариант хранения ядерных отходов действительно полностью исключает возможность масштабных катастроф. Что же касается загрязнения в конкретном поместье, то его действительно можно избежать, да ещё и пользу извлечь. Может, придумают учёные что-то наподобие маленького реактора. Или ещё что-нибудь.

Вдруг меня тоже осенила мысль. Это надо же! Вот она! Вот ещё одна причина, объясняющая необходимость рассредоточения хранилищ с радиоактивными отходами. Деньги! Огромные деньги платят иностранные государства за хранение этих отходов. На них и строятся хранилища, содержится обслуживающий персонал и целые охранные управления. Часть денег, как водится, исчезает неизвестно куда. А пусть эти деньги платят каждому поместью, где хранятся капсулы с радиоактивными отходами. Здорово! И безопасность будет гарантирована, да при этом ещё и деньги людям платить будут.

В настоящее время никто не может безопасность гарантировать даже тем, кто живёт вдали от хранилищ. Когда случилась авария на Чернобыльской АЭС на Украине, заражению подверглись части территорий не только Украины, но и России, Белоруссии. Облака могли разнести загрязнение на сотни и даже тысячи километров.

Таким образом, предложение сына, пусть пока концептуальное, требующее детализации, всё же заслуживает самого пристального внимания и учёного мира, и правительств, и главное – общественности.

Прохаживаясь вдоль берега озера, занятый своими мыслями, я совсем забыл о сыне. А он молча стоял на том же месте, наблюдая за мной. Воспитание не позволяло ему первым обратиться ко мне. Прервать мысль размышляющего человека здесь считалось недопустимым.

Я решил перевести разговор на другую тему.

– Ты, значит, всё время размышляешь о разных проблемах, Володя, а обязанности у тебя есть какие-нибудь? Какую-нибудь работу тебе поручено выполнять?

– Работу?.. Поручают?.. Я всегда занимаюсь тем, чем захочу. Работу? Что подразумевается под словом «работа», папа?

– Ну работа – это когда ты делаешь какое-то дело и тебе за него платят деньги. Или делаешь дело, которое приносит пользу всей семье. Вот мне, например, в твои годы родители поручали за кроликами ухаживать. И я ухаживал. Траву для них рвал, кормил, клетки чистил. А кролики приносили семье нашей доход.

Володя, выслушав меня, вдруг сказал немного возбуждённо:

- Папа, я тебе сейчас расскажу об одной обязанности, которую я сам себе поручил. Это очень радостная обязанность. Только ты сам определи, работой она называется или нет.
- Расскажи.
- Тогда пойдём, покажу тебе одно место.

«Гуси-гуси!» – «Га-га-га», или Суперзнания, которые мы теряем

Мы с сыном стали удаляться от озера. Володя шёл впереди. Он как-то изменился: из рассудительного и сосредоточенного превратился в радостно-возбуждённого. Иногда перекруживался на ходу, подпрыгивал и быстро рассказывал:

– За кроликами я не ухаживал, папа. Делал другое дело. Как же его назвать? Рожал... не подходит. Сотворял? Тоже не очень подходит. Да, вспомнил. У вас это называется высиживать яйца. Значит, я высиживал яйца.

– Как это – высиживал? Яйца высиживает курица-наседка или иная птица.

– Да, я знаю. Но мне необходимо было самому их высидеть.

– Зачем? Ты по порядку всё расскажи.

– По порядку. Хорошо, всё случилось по такому порядку.

Я попросил дедушку найти мне несколько яиц диких уток и диких гусей. Дедушка сначала поворчал немножко, но через три дня принёс мне четыре больших гусиных яйца и пять поменьше – утиных.

Дальше по порядку: я выкопал небольшую ямку, положил на дно оленьего навозу с травой, закрыл всё это сухой травой, сверху положил все принесённые дедушкой яйца.

– Зачем навоз понадобился?

– Он даёт тепло. Яйцам необходимо тепло, чтобы вывелись из них птенцы. И сверху им тепло необходимо. Сверху я иногда сам ложился, закрывая ямку животом своим. Когда прохладно было или дождь шёл, поручал над ямкой лежать медведю.

– А как же медведь яйца не подавил?

– Так медведь большой, а ямка с яйцами маленькая. Он же лежал над ямкой, а яйца на дне. А я то волчице поручал охранять яйца, то сам спал рядом, пока они не стали проклёвываться. Это так радостно смотреть, когда проклёвываются. Только не все высиделись. Из девяти яиц получилось два гусёнка и три утёнка. Я кормил их зёрнышками травы, протёртыми орешками и сам поил водой. Всегда, когда кормил их, приглашал разных зверей, которые живут на нашей территории.

– Зачем?

– Чтобы видели они, как я ухаживаю, поняли, что их нельзя трогать, а, наоборот, нужно охранять. Спал тоже рядом с ямкой, в которой родились утята и гусята, а когда холодные ночи случались или дождь шёл, медведю рядом спать поручал. Птенцы прятались в его тёплой шерсти, и им было хорошо.

Дальше, если по порядку... Вокруг ямки я натыкал колышков и сплёл плетень из веток, сверху тоже гнездо закрыл ветками. Гусята с утятами подросли и научились вылезать из своей ямки. А я ходил вокруг их гнезда и вот так отрывисто посвистывал: «Тю-тю-тю». Они сразу вылезали и бежали за мной. За медведем бегать пытались, но я их отучил. Медведь может уйти далеко, а они погибнуть могут.

Но ничего с ними не случилось. Подросли, перья на них появились, научились летать. Я их вверх подбрасывал, чтобы научились. Потом они стали улетать куда-то, но возвращались в своё гнездо.

Когда наступила осень и разные птицы стали собираться в стаи и готовиться лететь на юг, мои повзрослевшие утки примкнули к стае уток, а гуси – к гусиной стае, и все улетели в тёплые края. Но я предполагал, почти уверен был: они вернутся весной. Они вернулись. О, как же это было здорово, папа! Когда вернулись, я услышал их радостный крик: «Га-га-га». Побежал к гнезду и тоже стал кричать: «Тю-тю-тю». Кормил их семенами травы и заранее

приготовленными растолчёнными ядрышками орехов. Они брали корм из рук. Я радовался, и звери местные прибежали на крики, тоже радовались. Смотри, папа, мы пришли. Смотри!

В укромном месте между двух смородиновых кустов я увидел сплетённое сыном гнездо. Но никого рядом не было.

– Ты говоришь, вернулись, а здесь никого нет.

– Сейчас нет, они улетели куда-то гулять, кормиться. Вот и нет их, но смотри, папа.

Володя раздвинул ветки, расширяя вход, и я увидел три лунки-гнезда. В одной лежали пять штук небольших по размеру яиц, наверное, утиных. В другой – одно побольше – гусиное.

– Надо же, вернулись, значит, и несут яйца... Только мало.

– Да! – восхищённо воскликнул Володя. – Они вернулись и несут яйца. Они могут и больше снести, если забирать из гнезда часть яиц и подкармливать чаще несушек.

Я смотрел на счастливое лицо сына, но не мог до конца понять причину его радостного возбуждения. Спросил:

– Чему ты так сильно радуешься, Володя? Я знаю, никто из вас, ни дедушка, ни мама, ни ты не употребляете яйца в пищу, следовательно, твои действия нельзя назвать делом или работой, потому что нет от них практической пользы.

– Да? Но ведь другие люди едят яйца птичьи. Мама говорит, можно употребить всё, что животные сами отдают человеку. Особенно тем людям, которые привыкли питаться не только растительной пищей.

– А при чём здесь люди и твои действия?

– Надо так сделать, решил я, чтобы люди, живущие в поместьях, не обременяли себя заботой о своём хозяйстве. Или почти не обременяли. Чтобы было у них время размышлять. Это возможно. Если понять задуманное Богом, сотворившим наш мир. Мне нравится наука познания Его мыслей. Это самая величайшая наука, и её необходимо познавать. Например, познать: зачем Он сделал так, что птицы осенью на юг улетают, но не остаются в тёплых краях, а снова возвращаются? Я много думал об этом и предположил: он это для того сделал, чтобы не утруждать человека зимой. Зимой птицы не могут сами найти себе корм и улетают. Но не остаются на юге, они возвращаются, хотят быть полезными человеку. Так задумал Бог. Человеку необходимо многое понять из задуманного нашим Творцом.

– Значит, ты, Володя, предполагаешь, что в каждом поместье или во многих могут жить утки, гуси, нести яйца, сами кормиться, а осенью улетать на юг и весной возвращаться?

– Да, так можно сделать. У меня ведь получилось.

– У тебя получилось, согласен. Но есть одно обстоятельство... Я, наверное, огорчу тебя, но всё равно мне необходимо сказать правду. Чтобы ты не выглядел смешным со своим предложением.

– Скажи мне правду, папа.

– Есть такая наука – экономика. Учёные-экономисты рассчитывают, как рациональнее поступить для производства разных товаров, в данном конкретном случае – яиц. В нашем мире построено много птицеферм. Там содержится очень много кур в одном месте. Они несут яйца, которые потом поступают в магазины. Человек приходит в магазин и спокойно покупает необходимое ему количество яиц. Всё сделано так, чтобы на производство одного яйца уходило как можно меньше трудозатрат и времени.

– Что такое трудозатраты, папа?

– Это количество затраченных средств и времени на производство одного яйца. Надо внимательно считать, как поступить эффективнее, то есть лучше.

– Хорошо, я постараюсь посчитать, папа.

– Когда считаешь всё, сам поймёшь. Но для расчёта необходимы данные о затратах. Я постараюсь взять их у какого-нибудь экономиста.

– Но я смогу всё высчитать сейчас, папа.

Володя слегка нахмурился или напрягся и через минуту сказал:

– Минус два к бесконечности.

– Что это за формула? О чём она говорит?

– Эффективность Божественной экономики выражается бесконечным рядом чисел. Научная экономика сегодняшнего человека даже от нулевой точки уходит вниз на две единицы.

– Какая-то странная у тебя методика подсчётов, непонятная. Ты можешь пояснить, как считал?

– Представил точку отсчёта, выраженную в данном случае нулём. Все затраты птицефабрики, связанные с её строительством, содержанием и доставкой яиц в магазины выражаются числом минус один.

– Почему минус один? Эти затраты должны выражаться в рублях и копейках.

– Денежные единицы всегда разные и условные, а потому в данной методике они несущественны, их нужно брать все вместе под условным названием «минус один». Раз затраты существуют, значит, и получается от нулевой отметки они и могут выражаться – минус один.

– А вторая минус единица откуда взялась?

– Это качество. Оно не может быть хорошим. Неестественные условия содержания, отсутствие разнообразного корма непременно понизят качество яиц, и появляется ещё одна цифра – минус один. В сумме получается минус два.

– Хорошо, пусть будет так. Но ведь и в твоём случае получаются огромные временные затраты. Вот ты, Володя, скажи: сколько времени ты затратил, пока, как сам выражаешься, высиживал яйца, потом выкармливал своих утят да гусят, охранял их?

– Девяносто дней и ночей.

– Девяносто суток, значит. И это всё ради того, чтобы аж через год получить всего несколько десятков яиц. Для людей, живущих в поместьях, намного рациональнее будет приобрести на рынке цыплят или самим их вывести зимой с помощью электроинкубатора, через четыре-пять месяцев они начнут нестись. На второй год, перед наступлением зимы, их, как правило, забивают, потому что яйценоскость к третьему году снижается. Вот и убивают, а новых заводят. Такая технология.

– Это технология вечно повторяющихся забот, папа. Необходимо кур каждый день кормить, заготовить корм на зиму, а через год ещё и новых выводить.

– Ну да, кормить и новых выводить, но по современной технологии это не так трудоёмко, как в твоём варианте.

– Но ведь девяносто дней – это срок запуска вечной программы. Вернувшись, птицы уже сами будут выводить своё потомство, учить его общению с людьми и возвращаться на родину. Они так будут делать тысячи лет. Человек, запустивший эту программу, подарит её будущим своим поколениям... Вернёт для них маленькую частичку Божественной экономики. Затраты в девяносто дней в расчёте на одно произведённое яйцо через сто лет будут исчисляться минутами и уменьшаться с каждым годом.

– Но всё же затраты есть, а ты их не учёл в своих расчётах.

– Затратам есть противовес великий, не менее он значим, чем продукт, произведённый птицами.

– Какой противовес?

– Когда весной из дальних стран вновь прилетают птицы в леса, поля родные, им люди радуются. От благотворной радостной энергии болезни многие уходят от людей. Но в девяносто раз сильнее энергия та будет, когда не просто прилетят с юга они. Когда вернутся непосредственно к тебе и радостными криками или пением восторженным приветствовать начнут живущего в поместье человека. Их пение не только человеку, всему пространству радость принесёт и силу.

Володя говорил вдохновенно и уверенно. Дальнейший спор с ним выглядел бы глупо. Я сделал вид, будто размышляю или считаю что-то про себя. Немножечко досадно стало оттого, что нечего мне сыну подсказать или научить его чему-то.

И что ж это за воспитание такое здесь или обучение своеобразное. Сын мой передо мной, а будто бы с другой планеты или цивилизации иной ребёнок.

Иное представление о жизни в нём, иная философия и скорость мысли. Расчёты делает мгновенно. И ясно, ведь понятно стало, хоть год на компьютерах считай, а его расчёты поточнее будут. Всё как-то в нём как будто перевёрнуто. Или точнее, может быть, сказать: так до какой же степени мы извратили жизнь свою? Её понятия и смысл. И катастрофы все от этих извращений происходят.

Всё это, несомненно, так, и всё же... Как хочется хоть чем-то быть полезным сыну. Но чем? Уже не надеясь ни на что, я его спросил небрежно так, спокойно:

– Я, в общем-то, подумаю над экономикой твоей. Быть может, ты и прав... А вот скажи, сынок. Ты здесь задачки разные решаешь, играешь. А проблема у тебя хоть какая-то есть?

Володя глубоко и как-то очень горестно вздохнул, немного помолчал и ответил:

– Да, папа, есть проблема у меня большая. И только ты можешь помочь её решить.

Володя был грустным, а я, наоборот, обрадовался, что он нуждается в моей помощи:

– И в чём же заключается она, твоя большая проблема?

Большая проблема

– Ты помнишь, папа, я говорил тебе в прошлый твой приезд, как готовлюсь уйти в ваш мир, когда подрасту?

– Да, помню. Ты говорил, придёшь в наш мир, найдёшь свою девочку-вселенную, чтобы сделать её счастливой. Будешь с ней поместье строить, воспитывать детей. Я помню, как ты говорил. И что же, ты не отказался от своей идеи?

– Не отказался. И часто думаю о будущем, о девочке своей и о поместье. В деталях представляю, как будем жить мы вместе с ней. И как с мамой вы приедете к нам в гости, увидите, как наши с девочкой той сотворённые мечты в реальность претворяются.

– Ну а проблема в чём? Боишься девочку не отыскать свою?

– Не в этом. Девочку искать я буду и найду. Пойдём, тебе я покажу ещё одну полянку небольшую. И ты поймёшь всё сам, почувствуешь проблему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.